

бояре кн. И.И. Шуйской, кн. А.В. Хилков, окольный В.И. Стрешнев, дьяки Т. Бормосов и Д. Прокофьев сказывали «воровство и измену и казнь» боярину и воеводам М.Б. Шеину с товарищами «у Приказа Сыскных дел, что преж сего бывала Нижегородская четь»⁹³. Вероятно, Сыскной приказ боярина кн. И.И. Шуйского, расследовавший дела о неудачах в Смоленской войне, располагался в помещении бывшей Нижегородской чети.

Сыскные приказы играли видную роль в делах управления государством. Через их систему происходило активное привлечение боярской знати к делам административного управления и судопроизводства. Из 45 бояр и окольных времени правления Филарета 20 человек⁹⁴ (44%) были задействованы в работе Сыскных приказов. Следует учесть, что имеющиеся в нашем распоряжении данные отрывочны, и реальное участие в руководстве этими ведомствами думных людей было, очевидно, более широким. Следовательно, можно не согласиться с Е.Д. Сташевским в том, что к управлению Сыскными приказами привлекались преимущественно наиболее близкие ко Двору бояре, «приятели» Филарета⁹⁵.

---

⁹³ ААЭ. Т. III. № 251. С. 382.

⁹⁴ Бояре: М.М. Годунов, П.П. Головин, С.В. Головин, кн. Б.М. Лыков, кн. Д.И. Мезецкой, В.П. Морозов, кн. И.И. Меньшой Одоевский, кн. Д.М. Пожарский, кн. А.Ю. Сицкий, кн. Ю.Я. Сулешев, кн. Д.Т. Трубецкой, кн. Д.М. Черкасский, кн. И.Б. Черкасский, М.Б. Шеин, Ф.И. Шереметев; окольные: Ф.В. Головин, кн. Д.И. Долгорукий, А.В. Измайлов, Л.И. Карпов-Далматов, кн. С.В. Прозоровский.

⁹⁵ Сташевский Е.Д. Указ. соч. С. 369–372.

Дворовые люди Уфимского уезда в реформе 1861 г.

Михаил Роднов

House serfs of the Ufa district in the peasant reform of 1861

Mikhail Rodnov (Institute of History, Language and Literature of the Russian Academy of Sciences, Ufa Scientific Center, Russia)

Отмена крепостного права, наряду с многомиллионным крестьянством, затронула судьбы обширного социального слоя дворовых людей, крепостной прислуги, обслуживавшей помещичьи усадебные комплексы, трудившейся на различных хозяйственных объектах в поместье. Ликвидация обязательных отношений для них осуществлялась по особому Положению об устройстве дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости¹, согласно которому «дворовыми людьми считаются те, кои по сказкам Х ревизии показаны дворовыми при населённых имениях, домах, фабриках, заводах или денежных капиталах». Это определение принято мной при изучении дворовых людей Уфимского

уезда Оренбургской (с 1865 г. Уфимской²) губ., где X ревизия прошла в 1858 г. (количество ревизских и мужских душ в 1861 г. практически совпадало).

Вопрос о судьбе дворовых рассматривался секретными комитетами ещё в 1840-е гг. С 1844 г. помещики получили право отпускать их на волю без земли по обоюдному согласию, а также освобождать дворовых в заложенных имениях³. В Оренбургской губ., по сведениям А.Г. Тройницкого, насчитывалось 60 819 душ мужского и 64 356 душ женского пола крепостных крестьян, а дворовых — соответственно 5 781 и 6 463⁴ (9,8%).

Судьба дворовой прислуги, которая «часто входила в барскую семью на положении домочадцев»⁵, так что разрыв с ними стал для многих помещиков серьёзным потрясением, оставила след в основном в художественно-публицистической литературе. Так, большой резонанс вызвал опубликованный в 1888 г. очерк И.А. Гончарова «Слуги старого века». В ответ М.Е. Салтыков-Щедрин специальную главу «Пошехонской старины» посвятил разоблачению ужасов крепостничества, прямо противопоставляя своё отношение гончаровскому: «Вот я ему покажу настоящих слуг прошлого времени». Гончаров вообще часто писал об отношении господина и слуги: самого писателя и матроса Фадеева во «Фрегате “Паллада”», Александра Адуева и Евсея в «Обыкновенной истории», Обломова и Захара в «Обломове»⁶.

В мемуаристике жизнь дореформенной дворовой прислуги зафиксировал выходец из семьи уфимских помещиков И.С. Листовский. «Дворовая прислуга мужская, как помню я, была распушена, почти все пьяницы. Праздность была причиною этого порока, а праздность являлась необходимым последствием многочисленности дворового штата... Женская прислуга пользовалась большею свободой в отношении господ и некоторою фамильярностью, потому что она была ближе, так сказать, к теремной их жизни: всегда была на глазах, была опрятнее, нравственнее. Дед мой, будучи до брезгливости чистоплотен, имея лакеев, не позволял им служить у стола, а служили девушки, всегда в белых фартуках и таких же косынках на шее. О грамотности прислуги, кажется, мало заботились. Но молодые наши лакеи были все грамотные. Как только мои родители переехали в Уфу, всех дворовых мальчиков стали отдавать в уездное училище... Женский же персонал оставался неграмотным, только одна девушка самоучкой выучилась читать и посвящала чтению часы своего досуга»⁷. В то же время Листовский приводил свидетельства жестокого обращения помещиков с дворовой прислугой, отмечая вместе с тем, что «смягчение в обращении с крепостными стало заметнее с царствования Государя Николая Павловича»⁸.

В исследовательской литературе судьба этого почти мгновенно исчезнувшего социального слоя бывших крепостных затронута слабо. Отдельный раздел о них в монографии Б.Г. Литвака по центрально-чернозёмным

² Материал приводится без горнозаводских Симского и Катавского округов, располагавшихся в Уральских горах, где земледелие не велось.

³ *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1960. С. 18, 63–64, 139–140 (устройство дворовых).

⁴ *Тройницкий А.* Крепостное население в России, по 10-й народной переписи. СПб., 1861. С. 27.

⁵ *Рассказова Л.В.* «Дворня, деревня и дом составляли семью» // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. М., 2006. С. 18.

⁶ См.: *Гончаров И.А.* Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 3. СПб., 2000. Примечания. С. 441.

⁷ *Листовский И.С.* Из недавней старины // Русский архив. 1884. Кн. 1. № 2. С. 285, 286.

⁸ Там же. № 1. С. 228, 229.

губерниям занял всего 7 страниц⁹. Сейчас история дворовых лишь изредка освещается в отдельных статьях¹⁰. В единственной работе по отмене крепостного права в Башкирии упоминается лишь общее их число, процесс же освобождения данной группы не рассматривается¹¹. В современной историографии судьбы дворовых людей больше освещаются в культурологических работах, посвящённых усадебному миру русского дворянства, чем в исторических трудах.

Между тем источники позволяют достаточно подробно показать дворовое население Оренбургской губ. накануне и в ходе проведения реформы 1861 г. В ходе её подготовки были собраны сведения о количестве крепостных крестьян и дворовых людей по всей губернии¹². При установлении численности дворовых разделим все имения на мелкие, средние и крупные. П.А. Зайончковский считал мелкими поместья с числом душ крепостных не более 20, среднепоместными — до 100, крупными — свыше 100 душ мужского пола, а также выделял крупнейшие имения (более 500 душ)¹³. За основу автор взял число только крестьян (без дворовых), а в качестве единицы измерения — отдельное поместье, хотя у некоторых дворян имелось по несколько имений и крепостных могли переводить из одного в другое. Исключены также ненаселённые имения, которых в Уфимском уезде было немало из-за высокой стоимости крепостных¹⁴. Уезд находился на самой восточной окраине распространения помещичьего землевладения. Далее, за Уральскими горами встречались лишь единичные хозяйства¹⁵.

Сначала отделим те имения, где в 1861 г. вообще отсутствовали дворовые (имелись только крепостные крестьяне). Таких было: мелкопоместных — 31, средних — 23, крупнопоместных — 15 (из них 3 крупнейших). Многие дворяне не держали жилой усадьбы, хотя и вели хозяйство (в основном барщинное). В числе крупнейших владения действительной статской советницы Елизаветы Васильевны Дашковой (1809—1890) — вдовы бывшего министра юстиции Д.В. Дашкова, а также золотопромышленника Ивана Фёдоровича Базилевского (1791—1878),

---

⁹ Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Чернозёмный центр 1861—1895 гг. М., 1972. С. 44—50.

¹⁰ Черкашина О.Н. Определение понятия «дворовые люди» в правовых актах и мемуарных источниках XIX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. Вып. 19(138). Вып. 24; Корчина Е.С. Дворовые помещиков Рязанской губернии в 1-й половине XIX в. // Шестые Яхонтовские чтения. Рязань, 2012.

¹¹ Давлетбаев Б.С. Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. М., 1983. С. 14.

¹² Оренбургские губернские ведомости. Часть официальная. 1861. 11 февраля. Приложения. Материалы по Уфимскому уезду изданы: Ведомость о помещичьих имениях по Уфимскому уезду [в 1861 г.] / Публ. М.И. Роднова // Река времени. 2011 / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2011; Роднов М.И. Судьба помещичьего хозяйства после отмены крепостного права (первый стан Уфимского уезда) // Там же. Далее все подсчёты по данному источнику. Аналогичные материалы по горнозаводским имениям, а также Бирскому, Белебеевскому, Стерлитамакскому уездам см.: Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013.

¹³ Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С. 195.

¹⁴ См.: Абсалямов Ю.М. Ненаселённые земельные владения помещиков Уфимского уезда Оренбургской губернии на рубеже XVIII—XIX веков // Река времени. 2012: Мир южноуральской усадьбы / Отв. ред. Ю.М. Абсалямов, М.И. Роднов. Уфа, 2012.

¹⁵ См.: Роднов М.И. Челябинские помещики: к 150-летию отмены крепостного права // Гороховские чтения: материалы второй региональной музейной конференции / Сост., науч. ред. Н.А. Антипина. Челябинск, 2011.

проживавших в Санкт-Петербурге. Кроме того, близость к губернскому центру (Уфа была гражданской столицей Оренбургской губ.) позволяла владельцам контролировать пригородные поместья, не заводя дорогостоящих усадебных комплексов с дворовой прислужгой.

В то же время в Уфимском уезде на 1861 г. имелись дворянские владения с дворовыми людьми, но без крепостных крестьян — своеобразные загородные дачи с крепостной прислужгой (остатки былых поместий), или имения, образовавшиеся в результате семейных разделов, когда наследники получали только дворовых людей и землю, но не крестьян. Таких помещичьих хозяйств в Уфимском уезде насчитывалось 37. Это были почти исключительно мелкие и мельчайшие владения обедневшего, «окрестьянившегося» старинного дворянства типа однодворцев или разорившихся мелких чиновников. В 3 из них вообще не было мужчин-дворовых, в 12 числилось по одной ревизской душе, в 4 — по две и три. В остальных 13 хозяйствах имелось от 4 до 9 ревизских душ, и лишь в имении Епанешниковых — 20 душ прислужги.

Всего в этих поместьях на 1861 г. состояло 125 мужчин и 164 женщины крепостных дворовых людей. Значительное преобладание женской прислужги позволяет отбросить предположение о скрытой месячине, когда крепостные, находившиеся на полном содержании помещика, жили при усадьбе и постоянно работали в полевом хозяйстве. Об угасании месячины до реформы свидетельствует Б.Г. Литвак¹⁶. В среднем на одно мелкопоместное дворянское хозяйство Уфимского уезда к 1861 г. приходилось 4.3 мужчины и 4.8 женщины дворовых, на среднепоместное — 9.7 мужчин и 10.7 женщин, на крупное — 16.1 мужчин и 16.4 женщин. Надо заметить, что в число дворовых входили не только слуги, но и ремесленники (кузнецы, конюхи, плотники и проч.). Литвак определял для оброчных имений «норму» домашней прислужги — 4–6 человек на жилую усадьбу¹⁷.

Всего дворовых крепостных людей в Уфимском уезде на момент отмены крепостного права (по данным местных «ведомостей») было 1 809 мужчин и 1 986 женщин. Крупные помещики владели 30.8% всех дворовых, средние — 44%, мелкие — 17.6%. Ещё 7.6% оставались в собственности дворян, не имевших обычных крестьян. Отметим падение доли женской прислужги с возрастанием размера поместья. Если у дворян, имевших только дворовых людей, женщин насчитывалось 131.2% в сравнении с мужчинами, то у мелких помещиков — 113.1%, у средних — 110.5%, а у крупных — 102.4%. Ясно, что в более крупных имениях доля домашней прислужги сокращалась, и увеличивалась доля дворовых, занятых в хозяйстве¹⁸.

Состав дворовой прислужги в мелкопоместных хозяйствах был иным, чем в более крупных имениях. Например, владелица небольшого поместья в сельце Баранцево губернская секретарша А.А. Платцова в 1854 г. купила для обслуживания своей усадьбы три семьи дворовых. Первая состояла из одинокого мужчины Ивана Леонтьева 34 лет и его сыновей — четырёхлетнего Нестора и полугодовалого Алексея. Отца детей помещица сразу же сдала в рекруты. Вторую «семью» представлял одинокий мужчина Пётр Маркелов, тут же отпущенный на волю. Третье семейство включало двух женщин. В итоге по X ревизии дворянка Платцовой насчитывала двух подростков Леонтьевых и пару старушек¹⁹. Содер-

¹⁶ Литвак Б.Г. Указ. соч. С. 60–61.

¹⁷ Там же. С. 50.

¹⁸ Ср.: там же. С. 46–47.

¹⁹ Национальный архив Республики Башкортостан (далее — НА РБ), ф. И-10, оп. 1, д.625, л. 7–9.

жание взрослых мужчин обходилось дорого, а скромное домашнее хозяйство не требовало большого числа рабочих рук. Свою роль, видимо, играл и страх перед взрослыми мужчинами в маленькой усадьбе, затерянной среди занесённых снегом бескрайних полей.

Схожая ситуация была в деревне Жилино в маленьком поместье коллежской ассессорши А.А. Поповой. При ликвидации крепостных отношений в дворовой прислуге значились девка Авдотья Иванова 45 лет и её два незаконнорожденных сына-подростка. При этом старшего сына Авдотьи барыня сдала в рекруты. Вторую и также неполную семью Попова купила в 1857 г. Она включала 23-летнего мужчину и его сестёр 19 и 17 лет²⁰.

В среднепоместных хозяйствах сильная вотчинная власть барина и наличие ресурсов позволяли держать обширный штат дворовых, видимо нередко даже излишний. Среди средних и крупных хозяйств Уфимского уезда существовали огромные усадебные комплексы. Изобилие дешёвого и высококачественного леса обусловило преобладание деревянного строительства. В шести поместьях численность дворовой прислуги превышала 50 человек. Лидером по числу слуг на 1861 г. был помещик и предприниматель инженер-капитан Пётр Иванович Сергеев, в усадьбе которого возле села Богородского (Сергеевка) к северу от Уфы стояли два особняка, имелся парк с прудом и многочисленные хозяйственные постройки. Дворовые жили в посёлке, отдельно и от барской усадьбы, и от обычных крестьян²¹. Анализ источников позволяет предположить, что в Уфимском уезде было несколько таких своеобразных посёлков дворовой прислуги.

После начала реформы дворовым было предоставлено три варианта решения своей судьбы: получить землю и перейти в крестьяне, сразу быть отпущенными на волю по соглашению с барином или оставаться на прежних условиях в обязательных отношениях ещё два года, до 19 февраля 1863 г., после чего они отпускались на волю без всякого вознаграждения. При увольнении человека, неспособного к работе, владельцы в первое время должны были вносить мировым посредникам на его содержание особую сумму в размере от 12 до 48 руб. (в зависимости от возраста дворового)²².

Процесс ликвидации обязательных отношений между помещиками и дворовыми позволяют проанализировать уставные грамоты. Подчеркну, что в данной статье я не останавливаюсь на судьбе крестьян, не числившихся дворовыми, но выполнявших функции прислуги или работников при усадьбах. Между тем таких было немало. Так, в сельце Анненском надворной советницы Е.Я. Фёдоровой пять душ крестьян наделом не пользовались и «с их согласия уволены от обязательных к ней отношений, на праве дворовых людей»²³. У крупного помещика А.М. Языкова в деревне Бабкино «из числа значащихся в крестьянах, но с давних пор проживающих при господском доме, не пользовавшихся наделом и отказавшихся от оного», было 15 душ, в деревне Горново — 8, в деревне Сводово — 9²⁴.

В ходе исследования я почти полностью обследовал коллекцию уставных грамот на поместья с дворовыми по Уфимскому уезду. Их оказалось 152, сведения ещё по 14 владельцам крепостной прислуги показаны без составления отдельной

²⁰ Там же, д. 723, л. 22–25.

²¹ См.: *Мордовина О.С.* Опыт реконструкции планировки дворянской усадьбы Уфимской губернии XIX–XX вв. // *Река времени.* 2014 / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2014.

²² Оренбургские губернские ведомости. 1861. 8 апреля.

²³ НА РБ, ф. И-10, оп. 1, д. 758, л. 2–2 об.

²⁴ Там же, д. 572, л. 2, 11; д. 575, л. 2.

грамоты²⁵. В списке из «Оренбургских губернских ведомостей» каждое такое владение показано отдельно.

Всего по газетной публикации на 1861 г. в Уфимском уезде насчитывалось 228 владений с дворовыми (включая 37 хозяйств только с дворовыми, без крестьян). Собрание уставных грамот (152 + 14) показывает, что они сохранились по 73% дворянских имений, где по X ревизии состояли дворовые люди. Если учесть, что на многие мелкопоместные дворянские владения (в первую очередь «омужившихся» однодворцев) уставные грамоты не составлялись, то материал можно считать вполне репрезентативным.

Вместе с тем информация уставных грамот не всегда однородна. Не везде соблюдалась форма, иногда при составлении документа забывали указать судьбу дворовых. Нередко упоминалось лишь, что дворовые землёй никогда не пользовались и надел не получают. Наконец, происходило перемещение крепостной прислуги в другие поместья уезда и даже за пределы губернии.

Таким образом, из числа дворовой прислуги исключаются переведённые в другие поместья, умершие, сданные в солдаты (в том числе по суду), находившиеся в безвестной отлучке. Сложнее с поместьями, информация о которых расплывчата. Сам характер уставной грамоты подразумевал стандартизацию сведений, поэтому составлявшие документ мировой посредник и помещик нередко не указывали факты, не вписывавшиеся в схему.

Подсчёт показал, что из общего числа 1 334 учтённых по X ревизии дворовых Уфимского уезда 1 129 (84.6%) остались служить своим господам до 19 февраля 1863 г., 121 был отпущен на волю и 84 пожелали получить надел²⁶. В уставных грамотах не обнаружено ни одного конфликта между помещиками и дворовыми по поводу выхода на волю, большинство крепостной прислуги не собиралось бросаться в неизвестность. Выявлен лишь один случай жалобы дворовых на жестокость помещика, восходящий к дореформенной эпохе²⁷.

При изучении уставных грамот была предпринята попытка определить количество дворовых, отпущенных на волю в 1858–1861 гг. (после X ревизии и до выхода манифеста об отмене крепостного права), а также после извещения о начале реформы. Массового освобождения дворовых после обнародования Положений 19 февраля 1861 г. не наблюдалось, процесс отпуска на волю был примерно одинаков до и после реформы.

В реальности большой разницы в переходе дворовых на волю сразу или по истечении двухлетнего срока не было. Уставные грамоты составлялись постепенно в течение 1861–1863 гг. и фактически переходный период был значительно короче.

В уставных грамотах встречаются письменные отказы дворовых от земли. Обращает на себя внимание тот факт, что лишь крайне незначительная часть дворовой прислуги (84 души из 1 334, или 6.3%) пожелала перейти в крестьяне, получить надел и осесть на земле. В большинстве случаев это была дворня мелких помещиков, фактически и ранее занимавшаяся сельским хозяйством. При всей тяжести крепостного права большинство бывших лакеев, поваров и мажордомов

²⁵ См., например, уставную грамоту по селу Искино: там же, д. 697, л. 1а об.

²⁶ Там же, д. 560–565, 574, 576–584, 586–588, 591–593, 595, 596, 599, 601, 602, 605, 607, 609, 611–613, 615, 618–621, 623–629, 631, 632, 639–642, 644, 644а, 645, 646, 648, 649, 652, 653, 656, 657, 659–662, 664, 666–672, 674, 676, 678, 680, 682, 684–686, 688, 690, 693, 694, 697, 699, 700, 702, 703, 705, 707, 708, 711–716, 720–722, 726, 727, 729–734, 737–741, 744–749, 753, 754, 756, 759, 762, 762, 764, 765, 767, 768, 770, 773–775, 779, 782–785.

²⁷ Там же, д. 761, л. 51–52.

не желало крестьянствовать, а работавших при имениях специалистов (кузнецы, слесари, столяры и проч.) общинная деревня, видимо, не могла обеспечить заказами.

В начале 1860-х гг. почти две тысячи дворовых Уфимского уезда пережили сильный стресс. Глава 25 Положения о дворовых гласила: «По истечении двухлетнего срока со дня утверждения Положения дворовые люди увольняются навсегда от всяких обязанностей к их владельцам. С этого времени все отношения между ними могут быть определяемы не иначе как добровольными условиями». Никаких выплат бывшей дворовой прислуге не предусматривалось. Авторы Положения, видимо, рассчитывали, что за двухлетний переходный период лакеи и повара подготовятся к выходу на свободу. С февраля 1863 г. те, кто не записался в крестьяне или не был отпущен ранее, т.е. 85% дворовых уезда, считались «приписанными к тем волостям, к коим принадлежат селения, при которых они значатся по ревизским сказкам», или к городам (если состояли при городских усадьбах). Волостные правления или городские думы обязаны были оформить им паспорта, а до того полиция выдавала «временные виды на шесть месяцев». Глава 27 гласила, что «дворовым людям, приписанным... к волостям или к городам, даётся два года для избрания себе места окончательной приписки». Особый раздел IV регулировал приписку дворовых к обществам. Бывшая крепостная прислуга могла приписаться к любому городу «и без согласия городских обществ», исключая столицы и привилегированные города. На два года дворовым давались льготы, они «освобождаются, до истечения сего срока, от платежа всякого рода казённых податей и сборов, а также от денежных и натуральных земских повинностей, в том числе и от отправления повинности рекрутской». Власти понимали, что пока эта масса где-то не осядет, собирать с них налоги невозможно.

По всей видимости, основная часть получивших свободу дворовых устремилась именно в города. После 1863 г. каждый устраивался как мог, переходили в мещане, иные сословия или, оставаясь приписанными к обществу/волости, жили в городе. В сельце Анненском Покровской волости даже в 1882 г. числился «один бывший дворовый, проживающий в г. Уфе и причисленный к их обществу»²⁸. Многие бывшие дворовые оказались в тяжёлом положении. Так, бывший крепостной А.М. Языкова из села Михайловского (Языково) В.Я. Абоимов в 1864 г. просил: «Находясь прежде дворовым, не имел у себя ничего для домохозяйства и не имею средств уплачивать все повинности». Оказавшись в числе получивших надел, Абоимов буквально через год после составления уставной грамоты, ходатайствовал снять с него землю и отпустить в мещане. Барин не возражал²⁹.

Видимо, в особо сложной ситуации оказалась многочисленная дворня крупных поместий. Так, в имении П.И. Сергеева (было в опеке) при селе Богородском всем дворовым людям «и бывшим на оброке и в домашней прислуге у помещика, не занимавшимся хлебопашеством, ни надела земляного, ни права жительства на помещичьей земле в селении не предоставляется». Барин просто выгнал массу народа, служившего ему и его отцу десятилетиями. Он отобрал у них жильё и запретил строиться, «где живут дворовые люди, из коих только один Ипполит Тимофеев может остаться в построенном ему от меня за службу его доме»³⁰.

Часть бывших дворовых осталась жить в деревне, устроившись на службу в уцелевшие поместья или перебиваясь иными заработками. Интересное

²⁸ Там же, д.656, л. 18.

²⁹ Там же, д.714, л. 21–21 об.

³⁰ Там же, д.729, л. 8 об.–9.

свидетельство приводит писатель Михаил Андреевич Ильин (литературный псевдоним Осоргин) (1878–1942), выходец из уфимского дворянства. Его бабушка владела помещьем в сельце Осоргино к югу от Уфы. Когда в 1890-е гг. он с отцом приехал в Уфу, земля была уже продана, но «“своих” бывших крепостных [будущий литератор] видел. Видел, во-первых, суетливую старушку-няню, которая жила в семье другой тётки, ведала хозяйством и на всех ласково ворчала. И ещё приехал из деревни старый повар невероятных лет и свертел нам мороженое. Меня он поцеловал в плечо – и я был так изумлен, что не знал, что мне делать... Мне велели подать повару руку и поцеловать его. Он пробыл день и уехал – только посмотреть на нас и приезжал»³¹. Рассказ о таких бывших дворовых находим у И.С. Шмелёва. «Да, музыканты придут сегодня, никогда ещё не видал: какие-то “остатки”, от графа Мамонова, какие-то “крепостные музыканты” в высоких шляпах с пёрышком сокольным, по старинной моде, – теперь уже не ходят так»³².

Таким образом, в Уфимском уезде отпуск дворовых на волю проходил без всяких конфликтов, на основании взаимных договорённостей. Между дворовыми барских усадеб и крестьянством существовала огромная пропасть. Профессиональные садовники, повара, лакеи не мечтали о сельской жизни.

Сведения по Уфимскому уезду резко отличаются от данных по Центрально-Чернозёмному центру страны. В Воронежской губ. 14% дворовых пожелали получить надел, Курской – 15,9, Орловской – 15, Рязанской – 15,1, в Тамбовской – 11,4%. К уфимским условиям близка Тульская губ., где только 7,9% дворовых осели на землю³³. Это сходство, видимо, не случайно. В Оренбургской (затем Уфимской) губ., как и под Тулой, существовала мощная промышленность в виде горных заводов, рудников, приисков. В Уральских горах бурно развивались лесоразработки, заработало пароходное сообщение по реке Белой, началось развитие пристаней, новых крупных торговых центров. Как и тульским, уфимским дворовым было куда уходить, где искать работу, вкладывать свои заработанные или украденные у барина капиталы.

---

³¹ *Свище Я.С.* Новые материалы по уфимской родословной писателя Михаила Осоргина // Река времени. 2012. С. 147–148.

³² *Шмелёв И.С.* Сочинения. Т. 2. Рассказы; Богомолье. Лето Господне / Сост., подгот. текста и коммент. О. Михайлова. М., 1989. С. 438.

³³ *Литвак Б.Г.* Указ. соч. С. 49.